

Леонид Андреев.

Театральные очерки. Письма о театре.

Электронные оригиналы находятся здесь: [In Folio: электронная библиотека](#)
и здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

"Дикая утка"

У меня был маленький, беленький котенок, на которого приятно было смотреть в минуты грусти. Вся его нехитрая жизнь была сплошной иллюзией: ни одного предмета не видел он таким, каков он есть, а вкладывал в него самостоятельное и очень интересное содержание. Поскребывание ножом он считал за несомненное приближение добычи или врага, настораживался, следил, прицеливался и нисколько не огорчался и не разочаровывался, когда ничего не находил. Очевидно, враг удрал, думал он и преспокойно переходил к очередным занятиям: прыганью вокруг шуршащего клочка бумаги или запутыванию клубка. Ни одной минуты не проводил он в бесплодном спокойствии. То он позорно трусил и надолго скрывался под диваном, то бурно ликовал, то впадал в глубокое недоумение и решал проклятые вопросы. Даже собственная его личность служила для него интересной загадкой и неиссякаемым источником удовольствий. Бывали у него моменты, когда он совершенно искренно принимал себя за кого-то другого и от изумления, восторга и ужаса впадал в столбняк. Собственный хвост он упорно считал совсем посторонним и притом враждебным обстоятельством и отчаянно, до потери сознания, боролся с ним.

И если бы я умел объясняться на кошачьем диалекте, уверяю вас, я ни за что не стал бы объяснять моему беленькому приятелю, что бумага есть просто бумага, нитка – просто нитка, а хвост – нечто неотъемлемое, навсегда ему присвоенное по законам природы. И временами я, человек, со всеми своими шестью чувствами и разумом, чувствовал себя обездоленным бедняком в сравнении с этой неразумной тварью, а жизнь свою – нищенской, плоской и скучной.

Потом котенок вырос и стал молодым котом. У него завелись знакомства и связи, и были ли среди его приятелей скептики, черт знает чего ему нагородившие, или женщина ему изменила, или попросту пора такая пришла, но от многих иллюзий он, по-видимому, отрешился. Бумажку с ниткой он признавал и, будучи в хорошем настроении, не прочь был с ней повозиться, хотя уже не столько для себя, сколько для людей, но хвост свой положительно игнорировал и к поскребыванию пальцем относился иронически.

Теперь он возмужал – и более скучного, отвратительного и пошлого существа я не знаю. Иллюзий – никаких. Валяется целые дни по постелям и диванам, еле продирает заспанные глаза, зеваает, и если вы хотите расшевелить его, то поднесите ему настоящую мышь и притом к самому носу. Разыскивать ее он не станет, очевидно полагая, что всех мышей все равно не переловишь, а из-за одной не стоит подыматься. Даже молоко он крадет с изумительным равнодушием, единственно из необходимости, и если в скором времени он покончит самоубийством, я нисколько не удивлюсь. Теперь, когда я что-нибудь пишу, а он лежит неподалеку и пренебрежительно шурит на меня свои зеленые глаза, я страшно боюсь, как бы он не заговорил. Я знаю, что он скажет что-нибудь в таком роде:

– Сидит человек, согнувшись за столом, водит палочкой по бумаге и думает, что из этого что-нибудь выйдет. А ничего из этого не выйдет, и все это – суета сует и томление духа. Завтра прочтут люди, что он написал, и забудут, и ничего в мире не прибавится и не изменится. Ни крупички хлеба не прибавится у голодного, ни одной росинки не падет на уста жаждущего; в свой определенный час выйдет грабитель на добычу, а добрый уляжется спать и заткнет уши ватой. Вот он сидит и пишет, и думает, что из этого что-нибудь выйдет, а все это – суета сует и томление духа. Тысячи лет стоит мир, и так изменилась земля в руках человеческих, что сам творец, ее создавший, теперь не узнал бы ее, а ни счастливее, ни богаче, ни умнее, ни свободнее не стал человек. Потому что все дни его – скорбь, а его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!

Вот что читаю я в зеленых прищуренных глазах, и, надеюсь, Общество покровительства животным не осудит меня, если в один прекрасный вечер я оторву когу голову вместе с его глазами. Если то, что они говорят, – правда, то это скверная правда; но я уверен, что это ложь. Правда то, что оправдывает жизнь и углубляет ее, а то, что вредит жизни, – всегда и всюду ложь, хотя бы доказана она была математически. Да, я уничтожу кота – и